

Глаза Цзи Юйцзиня покраснели, и он сжал кулаки. Он совершенно упустил суть и спросил опасным тоном:

— Зачем ты ходил в бордель?!

Столкнувшись с гневным выражением лица Цзи Юйцзиня, Чу Фэнцин был немного сбит с толку.

Цзи Юйцзинь усмехнулся:

— Разве ты не ненавидишь, когда девушки окружают тебя? А теперь ты уже не против?

— Почему? Есть ли в борделях Цзяннани девушки, которые тебе нравятся? — сказал он, глядя на него лисьим взглядом, пристально уставившись: — Я бы хотел увидеть это своими глазами. Почему бы тебе не взять такого деревенщину, как я, посмотреть мир как-нибудь на днях?

Почему он злится? Что за «оказывают девушки»?

Чу Фэнцин подумал об этом и наконец осознал дыру в их разговоре. Он ходил в бордель, чтобы лечить тамошних девушек. Многие врачи не желали принимать пациенток из борделей. Одна причина заключалась в том, что девушки из борделей имели дурную репутацию снаружи, и многие врачи считали это грязным делом. Другая причина была в том, что в борделях было много трудных и сложных болезней, и они боялись подпортить свою репутацию, если не смогут их вылечить.

Люди равны. Чу Фэнцин не думал об этом слишком много, он просто хотел помочь людям вылечить их болезни.

Затем он пришёл в себя. Цзи Юйцзинь отвлёкся, но Чу Фэнцин не стал сразу его поправлять. Он спокойно сказал:

— Хорошо.

— Хорошо?!

Вены на лбу Цзи Юйцзиня запульсировали:

— Чу Фэнцин... ты что, боишься, что не доведёшь меня до смерти?

— Я осмеливаюсь приходить только в этот Красный Особняк, где поют песни, но ты так дерзок, что смеешь ходить куда угодно! Девушки в таких местах любят таких, как ты, кто ещё

девственник. Они с первого взгляда могут сказать, что ты никогда раньше не был в любви, так что они вцепятся в тебя изо всех сил! Ты дурак!

Какой мужчина не разозлится, когда ему говорят такое? Какой ещё девственник! Какая чепуха! Чу Фэнцин тоже рассердился:

— Цзи Юйцзинь... ты несёшь чушь!

Цзи Юйцзинь не мог подавить свой гнев и протянул руку, чтобы ущипнуть Чу Фэнцина за загривок, ущипнув легонько:

— Я несу чушь? Ты избегаешь меня, будто избегаешь чего-то ещё, и только со мной так обращаются. Чу Фэнцин, у тебя вообще есть совесть?

Чу Фэнцин попытался увернуться от его руки, но безуспешно:

— Я не знал тебя в то время.

— То есть, если не знал, то всё в порядке?

Лицо Цзи Юйцзиня было мрачным:

— Если бы я знал раньше, я бы пошёл в бордель в Цзяннани продавать своё тело. С моей внешностью и темпераментом это лишь вопрос времени, когда я стану знаменитой проституткой. Может, ты уже был бы моим рабом и обнимал бы меня целыми днями, не отпуская.

Цзи Юйцзинь:

— Ц-ц, чем больше я думаю об этом, тем больше я проигрываю.

Чу Фэнцин: «.....» Стоит ли напоминать ему, что в то время он всё ещё был мужчиной? Даже сейчас, когда он стал евнухом, его мужские черты всё ещё оставались...

Лицо Чу Фэнцина слегка покраснело. Этот человек никогда не говорит ни единого серьёзного слова. Он может сказать что угодно. Что значит — обнимал бы его целыми днями?

Однако люди иногда не могут контролировать свои мысли, и он не мог не позволить своим мыслям распространяться вслед за словами Цзи Юйцзиня.

В его глазах Цзи Юйцзинь предстал в красном платье, с лисьими глазами, совершенно

пленительными...

Затем его лицо покраснело ещё больше. Цзи Юйцзинь прищурил свои лисьи глаза, приподнял брови и сказал:

— Тебе жарко? Твоё лицо такое красное...

— Ах, ты, случайно, не думаешь о чём-то неприличном в уме, красивый и элегантный молодой господин?

Цзи Юйцзинь отпустил руку и уставился на его красные мочки ушей, с блеском в глазах:

— Ты должен был сказать мне раньше, оказывается, тебе нравится такое. Как насчёт того, чтобы я надел это, когда мы вернёмся домой?

Во рту Чу Фэнцина немного пересохло, и он подсознательно избегал дразнящего взгляда Цзи Юйцзиня. Он взял чистую чашку и сделал глоток чая, прежде чем наконец немного пришёл в норму. Он тихо сказал:

— Ты... будь серьёзен.

Цзи Юйцзинь подпёр голову и посмотрел на него, улыбаясь:

— Как это я не серьёзен? Как говорится, у каждого свои мысли. Как ты можешь винить меня, когда у тебя у самого голова полна грязных мыслей?

С этими словами он придвинулся ближе. Сердце Чу Фэнцина забилось быстрее. Он откинулся назад, и его взгляд упал в глубину глаз Цзи Юйцзиня, которые были пугающе яркими.

Сердце Цзи Юйцзиня билось как гром, и он тоже слышал сердцебиение Чу Фэнцина. Он смотрел на слегка дрожащие ресницы собеседника — человек, белый как снег, с отсутствием мирских желаний в глазах, ясных и неглубоких, без печали или радости, без какого-либо человеческого прикосновения.

Такой человек на самом деле ходил в бордель! Как эти люди смели прикасаться к нему?

Чем больше он думал об этом, тем злее становился. В этот момент у него вдруг возникло желание притянуть этого человека к себе вот так. Он не хотел, чтобы мир запятнал его. Было бы хорошо, если бы на нём остался хоть немного его запаха. Нет! Было бы лучше всего, если бы он был весь пропитан его запахом!

Цзи Юйцзинь изогнул губы:

— Может, нам просто ответить моменту? Не сделать ли нам что-нибудь, подобающее случаю?

Подобающее случаю? Какому случаю?

Прежде чем он успел понять, он увидел, как лицо Цзи Юйцзиня становится всё ближе и ближе, и его дыхание было перехвачено. Он ворвался внутрь и последовал за его языком.

Глаза Чу Фэнцина слегка расширились. Он попытался оттолкнуть Цзи Юйцзиня, но в следующий миг его руки были схвачены парой тёплых, больших ладоней. Тонкий слой мозолей скользнул по его коже, вызывая лёгкое покалывание.

Цзи Юйцзинь прижал его голову другой рукой, не давая ему шанса сбежать. Рот и нос Чу Фэнцина наполнились слабым ароматом агарового дерева. Его мозг немного вышел из строя, но все его чувства были максимально обострены. Он мог даже ясно слышать звуки, издаваемые ими двоими. Его разум сделал поворот, и он наконец понял, в чём дело. За занавесками Красного Особняка — что ещё можно делать?

И это и впрямь... очень уместно.

Чу Фэнцин прикусил губы Цзи Юйцзиня. На этот раз кровь не пошла, и он не укусил так сильно. Цзи Юйцзинь отпустил его довольно быстро, но Чу Фэнцину показалось, что прошла целая вечность. Как только Цзи Юйцзинь отпустил его, он немедленно встал.

Цзи Юйцзинь коснулся ранки на губе пальцем и бесстыдно задался вопросом, можно ли считать это печатью на память.

Чу Фэнцин нахмурился:

— Цзи Юйцзинь...

Назвав имя, он вдруг не знал, что сказать дальше.

Он прикусил нижнюю губу, потому что на этот раз он ясно видел движения Цзи Юйцзиня... можно даже сказать, что движения Цзи Юйцзиня были очень медленными, и у него было время увернуться.

Но он не увернулся.

Почему он не увернулся? В голове Чу Фэнцина царил хаос, и всё, чего он хотел сейчас, — это

уйти.

Цзи Юйцзинь посмотрел на сложное выражение в его глазах и слегка сжал пальцы, висевшие по бокам. Видя, что он хмурится, он наконец не выдержал и шутливо сказал:

— Может... ты поцелуешь меня в ответ?

— Я поцеловал тебя дважды, и если ты поцелуешь меня в ответ, мы будем в расчёте. Что думаешь?

<http://bllate.org/book/17231/1616648>